

Научная статья

УДК 343.13

EDN: IONAUG

Гарантии прав уголовно преследуемого лица: от нормативного идеала к динамической системе

Юрий Борисович Чупилкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, chupilkin_yb@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Аннотация

Введение. Конституционная аксиома о высшей ценности прав человека вступает в противоречие с доминантой публичного интереса в уголовном преследовании, что требует специальных юридических механизмов, отсутствие которых ведёт к релятивизации прав личности.

Цель. Автор поставил задачей комплексный анализ системы гарантий прав и законных интересов уголовно преследуемого лица, выявление системного разрыва между нормативным закреплением и правоприменительной практикой, разработку теоретически обоснованной классификации гарантий и предложений по их совершенствованию.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, логический, метод правового моделирования, а также эмпирический метод (анкетирование правоприменителей).

Результаты. Установлено, что гарантии прав уголовно преследуемого лица носят динамический институционально-деятельностный характер и включают три несущих элемента: непротиворечивые нормы, добросовестную деятельность должностных лиц и активную позицию адвоката-защитника. Выявлена устойчивая поляризация в восприятии гарантий между адвокатами (93 % связывают их с признанием доказательств недопустимыми) и оперативными сотрудниками (87 % настаивают на ведомственном порядке утверждения ОРМ). Обоснована трёхуровневая классификация гарантий: гарантии-условия, статусно-инструментальные гарантии и специальные гарантии соразмерности и качества закона. Предложено легализовать категорию «надлежащее качество закона» в Федеральном законе от 14.06.1994 № 5-ФЗ как гарантийный стандарт.

Выводы. В статье доказывается, что эффективность гарантий детерминирована синхронным функционированием всех трёх элементов системы; наиболее уязвимым этапом является допроцессуальная «бесстатусная зона». Реальность конституционных гарантий находится в прямой зависимости от преодоления обвинительного уклона и ликвидации «бесстатусных» зон при оперативно-розыскном преследовании.

Ключевые слова: уголовное преследование, оперативно-розыскное преследование, процессуальные гарантии, правовой статус, качество закона, соразмерность, право на защиту, обвинительный уклон, бесстатусное лицо, судебный контроль, недопустимость доказательств

Для цитирования: Чупилкин Ю. Б. Гарантии прав уголовно преследуемого лица: от нормативного идеала к динамической системе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С. 156-171. - EDN: IONAUG

Original article

Guarantees of the rights of a criminally prosecuted person: from the normative ideal to a dynamic system

Yuri B. Chupilkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

chupilkin_yb@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Abstract

Introduction. The constitutional axiom of the highest value of human rights conflicts with the dominance of the public interest in criminal prosecution, which requires special legal mechanisms, the absence of which leads to the relativisation of individual rights.

Purpose. The author aims to comprehensively analyze the system of guarantees of the rights and legitimate interests of a criminally prosecuted person, identify the systemic gap between normative consolidation and law enforcement practice, develop a theoretically grounded classification of guarantees and proposals for their improvement.

Methods. The methodological basis of the research includes general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific methods: formal legal, comparative legal, logical, legal modeling, as well as an empirical method (survey of law enforcers).

Results. The guarantees of the rights of a criminally prosecuted person are dynamic and institutional-activity-based, consisting of three core elements: consistent norms, good faith conduct of officials, and active defense counsel. A persistent polarization in the perception of guarantees is revealed between lawyers (93% associate them with the exclusion of evidence) and operatives (87% insist on departmental approval of operational-search measures). A three-level classification is substantiated: condition-guarantees, status-instrumental guarantees, and special guarantees of proportionality and quality of law. It is proposed to legalize the category of "proper quality of law" in Federal Law No. 5-FZ of June 14, 1994 as a guarantee standard.

Conclusions. The effectiveness of guarantees is determined by the synchronous functioning of all three elements; the most vulnerable stage is the pre-procedural "non-status zone". The reality of constitutional guarantees directly depends on overcoming the accusatory bias and eliminating the "non-status zones" in operational investigative activities.

Keywords: criminal prosecution, procedural guarantees, legal status, quality of law, proportionality, right to defense, accusatory bias, non-status person, judicial control, inadmissibility of evidence.

For citation: Chupilkin, Yu. B. Guarantees of the rights of a criminally prosecuted person: from a normative ideal to a dynamic system. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 156 – 171. (In Russ). EDN: IONAUG

Введение

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим правовым государством (ч. 1 ст. 1), где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Данная аксиологическая установка оказывает прямое воздействие на легальное определение задач уголовного судопроизводства, что находит отражение в ч. 1 ст. 6 УПК РФ, где охрана прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, позиционируется как приоритетная цель. Однако имманентная для уголовного судопроизводства доминанта публичного интереса, ориентированного на раскрытие преступлений и изобличение виновных, объективно сопряжена с ограничением прав и свобод индивида.

Основным объектом исследования являются гарантии прав лица, подвергаемого уголовному преследованию, под которым предлагается понимать физическое лицо, в отношении которого осуществляются существенно ограничивающие его права действия и меры процессуального и оперативно-розыскного характера, направленные на установление

и изобличение в совершении преступления. В рамках данного родового понятия выделяются следующие виды:

- заподозренный – физическое лицо, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное и (или) оперативно-розыскное преследование по установлению его причастности к совершенному преступлению в связи с обоснованным предположением о совершении им преступления;
- подозреваемый – физическое лицо, наделенное статусом подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное преследование по его установлению и изобличению в совершении преступления;
- обвиняемый – физическое лицо, в отношении которого собрано достаточно доказательств его виновности, наделенное статусом обвиняемого в соответствии со ст. 47 УПК РФ, в отношении которого продолжается уголовно-процессуальное преследование по изобличению (обличению) в совершенном преступлении [1, с. 112–127].

В теории и практике высказываются полярные точки зрения на примат прав личности. Ряд авторов (Ю.К. Орлов [2, с. 14], А.С. Кончаловский¹, Ю.А. Цветков [3, с. 8–16]) подвергают сомнению саму возможность абсолютного доминирования прав отдельного индивида над общественными и государственными интересами, рассматривая идею о «высшей ценности» личности как социальную иллюзию («химеру»). Критический анализ позволяет отнести данную позицию к разряду правового редукционизма, так как она игнорирует нормативное закрепление императивов правового государства.

Напротив, классики уголовно-процессуальной науки (И.Я. Фойницкий [4, с. 10], М.С. Строгович [5, с. 67], А.М. Ларин [6, с. 62]) обосновывают зависимость уровня гарантированности прав личности от характера государства и политического режима, подчёркивая, что уголовный процесс имеет высокое политическое значение, выступая индикатором гуманности государственного устройства.

И.В. Ростовщиков [7, с. 26] и Ю.А. Ляхов [8, 48–49] коррелируют степень демократичности государства с интенсивностью защиты прав личности в суде.

В современном дискурсе акцент смещается на поиск системного баланса между интересами личности и государства (В.Н. Карташов [9, с. 3], С.А. Авакьян [10, с. 44–47]). Именно в рамках концепции баланса гарантии прав личности выступают не помехой, а необходимым условием легитимного и эффективного правосудия. Гарантированность прав, таким образом, является неотъемлемым и ключевым элементом конституционно-правового статуса личности, детерминирующим реальность его содержания.

Материалы и методы (теоретические основы)

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных учёных в области уголовно-процессуального права, оперативно-розыскной деятельности, конституционного права, теории государства и права. Эмпирическую базу составили решения Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, материалы судебной практики, а также результаты проведённого авторами анкетирования судей, прокуроров, следователей, оперуполномоченных и адвокатов. Использовались общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, социологический).

¹ Андрей Кончаловский: Я мракобес и ватник // Российская газета. – 2017. – 13 июня. №7292. – URL.: <https://rg.ru/gazeta/rg/2017/06/13.html> (дата обращения: 10.08.2022).

Результаты и обсуждение

Понятие и эволюция научных подходов к уголовно-процессуальным гарантиям

Отсутствие легальной дефиниции «гарантий» в УПК РФ обусловило формирование поливариантных доктринальных подходов. Законодатель оперирует смежными, но не тождественными понятиями: «обеспечение прав» (ст. 16 УПК РФ), «охрана прав» (ст. 11 УПК РФ) и «защита прав» (ст. 6, 44, 45, 47 УПК РФ). В науке долгое время господствовало отождествление терминов «гарантируются» и «обеспечиваются» как синонимичных, что находит подтверждение в этимологическом и лексикографическом анализе русского языка (В.С. Шадрин [11, с. 39]). Однако последующая концептуализация выявила необходимость в более строгом категориальном размежевании. О.В. Гладышева предлагает рассматривать «обеспечение» как родовую категорию, а «уголовно-процессуальные гарантии» – как систему взаимосвязанных процессуальных средств, закреплённых законом и предназначенных для эффективной защиты законных интересов [12, с. 14].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что доктринальное учение об уголовно-процессуальных гарантиях по своему содержательному объёму существенно шире института обеспечения прав, регламентированного УПК РФ.

В обобщенном виде под процессуальными гарантиями понимаются установленные законом средства и способы, содействующие осуществлению правосудия, защите и реализации прав и законных интересов личности [13, с. 59, 14, с. 212].

В структурном отношении в научной литературе к элементам гарантий относят: процессуальные нормы; права и обязанности участников; принципы судопроизводства; уголовно-процессуальную форму; правоприменительную деятельность; меры процессуального принуждения; процессуальную ответственность. Ряд учёных (Р.Д. Рахунов [15, с.185], Э.Ф. Куцова [16, с. 129]) рассматривают в качестве центральной гарантии права, предоставленные обвиняемому.

Другое научное направление (В.Е. Юрченко [17, с. 56]) акцентирует обязанности должностных лиц и процессуальные санкции.

Значительная группа учёных (В.А. Стрёмовский [18, с. 123], И.С. Самощенко [19, с. 81], Т.Н. Добровольская [20, с. 133]) определяет гарантии через призму правовых норм, что, однако, не учитывает деятельностьный аспект.

Наиболее комплексный (синтетический, системно-деятельностный) подход объединяет нормативный и функциональный компоненты. О.В. Гладышева и В.А. Семенцов определяют гарантии как закреплённые в законе средства и способы, фактически обеспечивающие реализацию прав [21 с. 26]. Л.М. Володина рассматривает механизм обеспечения прав как систему, включающую цели процесса, регламентацию статусов, гарантии реализации и реабилитационные средства [22, с. 38]. Ю.В. Деришев и Ю.Г. Овчинников предлагают двухсоставную дефиницию: система процессуальных норм плюс законная деятельность по их реализации [23, с. 41].

Таким образом, эволюция научных представлений демонстрирует движение от узких, одноэлементных трактовок уголовно-процессуальных гарантий к комплексным, системным моделям. Современное понимание гарантий в доктрине должно преодолевать разрыв между нормативным закреплением и правоприменительной практикой. Гарантии прав личности, в особенности подвергаемой уголовному преследованию, представляют собой не статичный набор норм или прав, а динамическую, институционально-деятельностную систему. Эта система включает: а) иерархически выстроенные и взаимосвязанные нормы-гарантии; б) корреспондирующие права и обязанности участников; в) процессуальные формы и принципы, задающие алгоритмы деятельности; г) механизмы ответственности и контроля за исполнением обязанностей властными субъектами; д) правоприменительную деятельность, направленную на реализацию всех вышеназванных элементов.

Триединая модель элементов системы гарантий

Система процессуальных гарантий прав уголовно преследуемого лица включает три несущих элемента:

нормативный элемент – иерархически выстроенные и непротиворечивые правовые нормы (международные, конституционные, отраслевые);

деятельностный элемент – добросовестная правоприменительная деятельность должностных лиц правоохранительных и судебных органов;

адвокатский элемент – активная и квалифицированная профессиональная деятельность адвоката-защитника.

Выпадение или дисфункция любого из этих звеньев приводит к релятивизации конституционных предписаний.

Ключевым системообразующим и одновременно наиболее уязвимым элементом динамической системы гарантий выступает правоприменительная деятельность. Проведённое автором анкетирование судей, прокуроров, следователей, оперативных сотрудников и адвокатов позволило объективировать системный разрыв между нормативным закреплением и реальной реализацией¹.

Зафиксирована поляризация в восприятии сущности гарантий. На вопрос о том, какие положения являются гарантиями прав уголовно преследуемого лица, адвокаты (93 %) и судьи (84 %) ключевое значение придают негативным процессуальным последствиям нарушений – признанию доказательств недопустимыми и отмене судебных решений. Прокуроры (75 %) и следователи (64–69 %) склонны рассматривать в качестве гарантии добросовестную деятельность должностных лиц, тогда как судьи оценивают этот субъективный фактор крайне скептически (43 %). Своевременную квалифицированную помощь адвоката-защитника как гарантию признают лишь 33–39 % следователей и оперативных сотрудников, в то время как среди адвокатов этот показатель достигает 87 %. Данный разрыв подтверждает тезис о недооценке адвокатского элемента стороной обвинения, что деформирует всю гарантирующую конструкцию.

Анализ практики подтверждает эти выводы на конкретных примерах. Прямое и грубое нарушение абсолютных прав проявляется в применении пыток и жестокого обращения. За 24 года обращения российских граждан в ЕСПЧ последний более 3 тыс. раз признал Россию нарушителем Конвенции – и это каждое восьмое решение за всё время его существования. Чаще всего Россия нарушала статьи, гарантирующие право на жизнь (ст. 2), запрет пыток (ст. 3), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5)². Показательно, что 57,8 % постановлений, где признавалось нарушение права на жизнь, были вынесены именно против России, а размер компенсации только по решениям 2021 года в связи с нарушением прав участников уголовного процесса составил свыше 8 млн евро³.

Не менее разрушительной является практика формального соблюдения при фактическом игнорировании гарантий. Яркая иллюстрация – пример из практики Куцевского районного и Краснодарского краевого судов, где была проигнорирована безусловная обязанность, установленная ч. 4 ст. 271 УПК РФ, удовлетворить ходатайство о допросе специалистов, явка которых обеспечена стороной защиты. Такой обвинительный уклон

¹ Эмпирические данные получены автором в ходе анкетирования, в период с 2019 по 2025 гг. Анкетированием было охвачено 790 респондентов, в том числе: 96 судей, 94 прокурора, 109 следователей Следственного комитета РФ, 93 следователя органов внутренних дел, 112 оперуполномоченных ОВД, 286 адвокатов.

² Царева, М. Конвенция по правам человека стала исключительно европейской // Газета «Коммерсантъ». – 2022. – 16 сентября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5560896> (дата обращения: 21.09.2022). – Режим доступа: свободный.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: [сайт]. – М., 2021. – С. 230. – URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/14493f2b-4975-49d0-86ddc9ac917436fe/0447a931-4bc9-4ce6-ae92-b32f8d741>

суда лишает обвиняемого возможности представить опровергающие доказательства [24, с. 34].

В этой связи в качестве обязательного элемента гарантий прав личности следует выделить нормы, предусматривающие процессуальные негативные последствия:

1) недопустимость доказательств – любое нарушение прав личности, сопряжённое с собиранием доказательств, должно влечь их безусловное признание недопустимыми [2, с. 75];

2) безусловная отмена приговора при грубых нарушениях права на защиту – целесообразно дополнить перечень существенных нарушений уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ) соответствующим основанием.

Трагический случай с учёным Д. Колкером, арестованным при неизлечимой болезни с вопиющим игнорированием медицинских документов, демонстрирует, что применение меры пресечения в виде заключения под стражу к тяжелобольному лицу следует расценивать как жестокое обращение. Если сторона защиты предоставила документы о заболевании, препятствующем содержанию под стражей, суд был обязан избрать альтернативную меру¹. Подобные факты, как отмечает Е. Меркачёва, не единичны: только в Москве несколько десятков человек можно освободить по состоянию здоровья прямо сейчас, но судьи и врачи боятся это сделать². В этой связи заслуживает внимания опыт Бельгии, где Министерство юстиции провело социальный эксперимент: 55 судей и прокуроров добровольно отправились в тюрьму, чтобы на себе ощутить условия содержания и обращение с заключёнными³. Для России проведение подобных экспериментов особенно актуально.

Неотъемлемым и активным элементом системы гарантий выступает добросовестная деятельность адвоката-защитника. Конституционный Суд РФ корректно обозначил обязанности государства по созданию условий для подготовки квалифицированных юристов и установлению профессиональных стандартов⁴. ЕСПЧ последовательно развивает доктрину, согласно которой формальное назначение защитника не отвечает требованиям Конвенции, требуется фактическая и эффективная защита. Назначение адвоката не приводит к автоматическому выполнению требований подп. «с» п. 3 ст. 6 ЕКПЧ. Само по себе назначение защитника не означает наличия эффективной защиты, так как назначенному адвокату могут помешать выполнять его профессиональные обязанности либо сам адвокат может уклониться от их выполнения (Постановление ЕСПЧ от 13.05.1980 по делу «Артико против Италии»). Бездействие со стороны адвоката в виде не обжалования вынесенных судебных актов признается нарушением подп. «с» п. 3 ст. 6 ЕКПЧ, совместно с п. 1 ст. 6 ЕКПЧ (Постановление ЕСПЧ от 19.12.2013 по делу «Сийрак против России», Постановление от 21.06.2011 по делу «Орлов против России», Постановление от 30.06.2009 по делу «Ананьев против России»).

Принятый Всероссийским съездом адвокатов в 2017 году «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве» нормативно закрепил необходимость

¹ Меркачева, Е. Всемирно известный ученый Колкер умер в СИЗО спустя сутки после задержания. – URL: <https://www.mk.ru/social/2022/07/03/vsemirno-izvestnyy-uchenyy-kolker-umer-v-sizo-spustya-sutki-posle-zaderzhaniya.html> (дата доступа: 04.08. 2022).

² Почему тяжелобольных не сажают под домашний арест. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/eva-merkacheva-v-moskve-neskolko-desyatkov-chelovek-mozhno-osvobodit-po-sostoyaniyu-zdorovya-priamo-sejchas-no-vrachi-boyatsya/> (дата доступа: 04.08. 2022).

³ В Бельгии прокуроры и судьи добровольно сели в тюрьму в рамках эксперимента. – URL: <https://300.pravo.ru/news/242946/> (дата обращения: 04.08. 2022).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Доступ из СПС Гарант.

активной защиты¹. Однако на практике фиксируется та же дисфункция: Кассационное определение Второго КСОЮ от 26.01.2023 по делу № 77-174/2023 констатировало, что адвокат формально участвовал в процессе, поддерживал необоснованные ходатайства, задавал вредные для защиты вопросы и игнорировал смягчающие обстоятельства, чем фактически нанёс ущерб интересам подзащитного. Такое «квази-участие» имитирует защиту и разрушает всю гарантирующую конструкцию. Следовательно, полноценное функционирование системы требует двунаправленной добросовестности: со стороны государства и со стороны профессионального сообщества адвокатов.

Проблема «бесстатусных» лиц на допроцессуальных этапах

Наиболее уязвимым этапом уголовного преследования является допроцессуальная деятельность, проводимая в ходе оперативно-розыскного преследования и при проведении проверочных действий до возбуждения уголовного дела. Лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) или проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, пребывает в «слепой» правовой зоне, будучи лишённым законодательно закреплённого статуса – «бесстатусное лицо». Отсутствие базовых правовых гарантий (право знать существо подозрений, право на адвоката) создаёт предпосылки для произвола. Деятельностный элемент становится единственным, но крайне ненадёжным барьером. Адвокатский элемент, как правило, не активирован. Анкетирование подтвердило практическую востребованность ликвидации «бесстатусной зоны». Так, 79 % судей и 60 % прокуроров поддерживают право лица на помощь адвоката уже при проведении гласных ОРМ (опрос, обследование), тогда как 75 % оперуполномоченных категорически отвергают эту идею. Ещё более радикальный разрыв наблюдается в вопросе о допуске адвоката при фактическом задержании после негласных ОРМ: 97 % адвокатов и 72 % судей – «за», но 91 % оперуполномоченных и 75 % следователей ОВД – «против». Эти цифры являются эмпирическим обоснованием вывода о существовании сознательно поддерживаемой правоприменителем «бесстатусной зоны», в которой гарантирующая функция права уступает место оперативной целесообразности.

Принцип соразмерности и качество закона как гарантийный стандарт

Центральное место в системе гарантий занимает принцип соразмерности (пропорциональности) ограничений прав личности, получивший детальную разработку в практике ЕСПЧ. Легитимация любого ограничения прав обусловлена кумулятивным соблюдением трёх критериев: 1) законность (правовое основание) – ограничение должно иметь основание в национальном законе, отвечающем критерию «качества права» (доступность, предсказуемость, определённость); 2) легитимность цели; 3) необходимость в демократическом обществе и пропорциональность.

Конституционный Суд РФ последовательно указывает на необходимость определённости, ясности, непротиворечивости и системной согласованности правовых норм². Однако категория «качество закона» в России существует как законодательно-техническая,

¹ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20 апреля 2017 г. Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов. – URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/> (дата обращения: 24.05.2024),

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.07.2004. N 27. Статья 2804; Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 года № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.06.2005. N 23. Ст. 2311.

в то время как в практике ЕСПЧ она является правоохранительно-гарантийной. По мнению автора, подход КС РФ следует дополнить гарантийной составляющей: «качество закона» – это свойство нормативного правового акта, которое характеризуется: 1) формально-техническим совершенством (определённость, ясность, непротиворечивость); 2) наличием в его содержании адекватных и эффективных процессуальных гарантий, делающих любое допускаемое им ограничение прав предсказуемым, соразмерным и защищённым от произвола. Принцип «качества закона» предлагается закрепить в Федеральном законе от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания».

В ходе проведенного анкетирования выявлен острый конфликт в оценке необходимости судебного контроля и унификации процедур как сквозных гарантий соразмерности. Абсолютное большинство адвокатов (97 %) и судей (83 %) поддерживают симметричную защиту неприкосновенности жилища независимо от того, проводится ли ОРМ «обследование» или следственное действие «обыск», тогда как 43 % оперуполномоченных выступают против. Ещё показательнее отношение к порядку утверждения постановлений о проведении ОРМ, допускающих симуляцию преступного поведения (проверочная закупка, оперативный эксперимент и пр.): 87 % оперуполномоченных настаивают на сохранении ведомственного порядка, в то время как 68 % адвокатов и 52 % судей требуют передачи этих полномочий суду. Кроме того, 91 % адвокатов, 78 % судей и 73 % прокуроров выступают за унификацию протокола ОРМ по аналогии с требованиями ст. 166 УПК РФ, что напрямую коррелирует с концепцией «надлежащего качества закона», предполагающей наличие адекватных процессуальных гарантий.

Классификация гарантий прав уголовно преследуемого лица

Исторически в науке уголовного процесса сформировалась бинарная классификация гарантий, исходящая из целевого назначения уголовного судопроизводства. В соответствии с ней выделяются: 1) гарантии правосудия и 2) гарантии прав и законных интересов личности (участников процесса) [25, с. 22; 26, с. 27]. Гарантии правосудия направлены на то, чтобы добиться достоверного эффективного результата, необходимого для принятия процессуальных решений по уголовному делу, направленного на обеспечение прав и законных интересов личности, организаций, пострадавших от публичных правонарушений. Это возможно только путем правильного установления обстоятельств по делу, выявления лица, совершившего преступление, сбора доказательств его виновности и привлечения к уголовной ответственности. Гарантии прав личности в уголовном процессе выступают прежде всего в качестве средства защиты от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Как показывает историко-правовой анализ, такое общее деление долгое время носило формальный характер, поскольку в советский период (50–70-е гг. XX в.) доминировала доктрина, рассматривавшая гарантии прав личности исключительно как производный, подчиненный элемент гарантий правосудия. Частный интерес личности в этой парадигме признавался лишь в той мере, в какой он не противоречил интересам государства и общества. Данный подход нашел отражение в законодательстве, что исключало, например, возможность закрепления презумпции невиновности как абсолютного принципа [27, с. 56].

Коренной перелом в этой доктрине произошел с принятием Конституции РФ 1993 года, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью. Это конституционное положение придало гарантиям прав личности самостоятельную и высшую ценность, не зависящую от задач уголовного преследования. Более того, был осознан и теоретически оформлен тезис о возможном и законном несовпадении интересов установления объективной истины (публичный интерес) и интересов конкретного лица, вовлеченного в процесс (частный интерес). Следовательно, современная теория, не отрицая системного единства всех гарантий уголовного судопроизводства, настаивает на принципиальном разграничении

процессуальных гарантий правосудия и процессуальных гарантий прав участников процесса как обладающих различным целевым назначением и содержанием.

В научных исследованиях, посвященных вопросам процессуальных гарантий, представлено множество их классификаций. Многообразие подходов обусловлено сложностью самого феномена гарантий, их полифункциональностью и отраслевой спецификой. Для целей настоящего исследования представляется обоснованным сгруппировать существующие доктринальные позиции по трем основным критериям: формально-юридические признаки, целевое назначение (соотношение публичных и частных интересов) и этап процессуальной деятельности (гарантии вовлечения). Такая группировка позволяет выявить как универсальные элементы механизма гарантирования, так и специальные средства, ориентированные именно на защиту прав уголовно преследуемого лица.

Первая группа классификаций строится на формально-юридических критериях. Так, Л.А. Кротова, исходя из сферы действия уголовно-процессуальных норм, выделяет две группы: 1) процессуальные гарантии, предусмотренные нормами, охватывающими регулирующим воздействием всю систему уголовного процесса, основные условия судопроизводства либо содержащими разъяснения процессуальных понятий и институтов; 2) процессуальные гарантии, предусмотренные нормами, которые охватывают регулирующим воздействием определенные типичные процессуальные ситуации [28, с. 106].

Н.И. Капинус отмечает, что источником процессуальных гарантий может быть не только уголовно-процессуальный закон, но и любой другой источник уголовно-процессуального права. Он классифицирует все процессуальные гарантии, применяемые в сфере уголовного судопроизводства, по юридической силе их источника на три группы: международно-правовые средства обеспечения прав и законных интересов субъектов уголовного процесса; конституционные; специальные, к которым относит нормы уголовно-процессуального закона и уголовно-процессуальные нормы, закрепленные в иных федеральных законах [29, с. 122].

В.Д. Гончаренко, исследовавший право на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, к юридическим гарантиям относит: 1) гарантии-условия (правовое закрепление общих условий реализации и охраны права; состояние режима законности и правового порядка; функционирование элементов правовой системы); 2) гарантии-средства (правовые нормы, закрепляющие право и его гарантии; деятельность субъектов права по реализации и охране права; организационно-обеспечительную деятельность); 3) гарантии-способы (закрепление конкретного права и его гарантий; имплементация международно-правовых норм; ориентация и рекомендация в сфере обеспечения права; контроль и надзор) [30, с.116–117].

Достоинством приведенных классификаций является четкая структурированность нормативного материала, возможность выстроить иерархию гарантий по юридической силе и сфере действия. Однако для целей исследования правового положения именно уголовно преследуемого лица они обладают существенным недостатком – обезличенностью. Формально-юридические классификации описывают гарантии как абстрактные нормативные образования, не акцентируя внимания на конфликтной природе статуса лица, в отношении которого осуществляется публичное преследование. Они статичны и не отражают динамику реализации гарантий в условиях нарастания государственного принуждения.

Вторая группа классификаций преодолевает указанный недостаток, поскольку в ее основании лежит целевое назначение гарантий и, соответственно, различие публичных и частных интересов в уголовном процессе. А.Д. Бойков считает, что процессуальные гарантии должны быть классифицированы применительно к задачам судопроизводства. В общем плане речь может идти о двух типах гарантий – гарантиях публичного интереса и гарантиях субъективных прав. Они в какой-то, иногда значительной, части могут совпадать, но их отождествление недопустимо [31, с. 198].

Л.Д. Кокорев и В.З. Лукашевич отмечают, поскольку в уголовном процессе между общественными и личными интересами возможны и есть расхождения, даже конфликты, для обеспечения интересов личности предусматриваются специальные гарантии, польза от которых для интересов государства неочевидна [32, с. 112].

В.С. Шадрин также отмечает, что между гарантиями правосудия и гарантиями прав личности связь не является идиллической и связь равенства между ними стоит не всегда [11, с. 36].

В рамках гарантий прав личности, подвергаемой преследованию, необходима дальнейшая конкретизация. Особого внимания заслуживает выделение такой их разновидности, как правовые гарантии вовлечения лица в уголовное судопроизводство. Данный институт охватывает совокупность юридических процедур, условий и оснований, определяющих правомерный переход лица из статуса гражданина в статус формализованного участника процесса (подозреваемого, обвиняемого).

И.Л. Петрухин в монографии, посвященной вопросам неприкосновенности личности и принуждения в уголовном процессе, рассматривает, предусмотренные законом основания и условия задержания, основания и условия применения мер пресечения, как гарантии неприкосновенности личности [33, с. 9, 105, 169, 224]. Т.е. законодательные основания и условия для задержания и ареста им рассматриваются как гарантии, охраняющие личность от незаконного и необоснованного ограничения свободы. При этом исследователь указывает на это по умолчанию в названиях глав, не давая развернутого обоснования.

В.Ю. Мельников справедливо отмечает, что гарантии прав личности включают в себя предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок вовлечения, а также совокупность прав на защиту [34, с. 36]. Однако В.Ю. Мельников не раскрывает содержание категории «порядок вовлечения» лица в уголовное судопроизводство.

Восполняя этот пробел, подчеркнем, что термин «порядок» толкуется как «определенная последовательность, ход чего-либо»¹, а глагол «вовлекать» в толковом словаре понимается как процесс действия².

Таким образом «порядок вовлечения» личности в уголовное судопроизводство можно охарактеризовать, как последовательный процесс уголовного преследования лица на всех его этапах Действия сотрудников правоохранительных органов по осуществлению уголовного преследования личности должны быть законными и обоснованными. Законность заключается в строгом выполнении требований, установленных законом для производства процессуальных и следственных действий. Требования законодательства представляют собой: условия, основания и правила, процедуры, установленные в законе. Институт процессуальных условий занимает важное место в механизме правового регулирования уголовного судопроизводства, выступая ключевым элементом, опосредующим связь между материальной предпосылкой деятельности и процедурой ее осуществления. Система процессуальных условий в уголовном процессе отличается внутренней градацией. В научной литературе, следуя логике законодателя, принято выделять общие и специальные (частные) условия. К общим условиям относятся требования универсальные для производства следственных действий (например, правила, закрепленные в ст. 164 УПК РФ: недопустимость насилия, угроз и иных незаконных мер, применение технических средств, участие понятых). Эти условия формируют общий правовой режим доказывания, пронизанный идеями законности и нравственности.

В качестве специальных условий можно выделить основания – условия для признания лица подозреваемым – ст. 46 УПК РФ, а для признания обвиняемым такие основания – условия определены в ст. 47 УПК РФ.

¹ Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. – URL: <https://dic.academic.rudic.nsf/efremova/222357> (дата обращения: 21.12.2022).

² Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/147547/Вовлечение> (дата обращения: 21.12.2022).

Необходимо проводить четкое терминологическое и содержательное разграничение между процессуальным условием и процессуальной процедурой (порядком), которые, будучи взаимосвязанными, выполняют различную роль. Условие есть юридический факт (совокупность фактов), порождающий право и обязанность на совершение действия. Оно отвечает на вопрос «когда и при каких обстоятельствах можно действовать?», устанавливая пределы дозволенного вмешательства. Процедура же определяет «как именно должно быть произведено это действие?», регламентируя последовательность операций, права и обязанности участников, технику фиксации результатов [23, с. 75]. Данное разграничение имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение: логика правоприменения диктует необходимость первоначальной проверки наличия всех предусмотренных законом условий и лишь затем – безукоснительное следование установленной процедуре.

Эффективность данной модели должна оцениваться в динамике, на каждом из этапов уголовного преследования: выявления и установления лица, совершившего преступление, в связи с обоснованным на то предположением; установления причастности подозреваемого лица к совершению преступления; обличения обвиняемого лица в совершении им преступления, причастность к которому подтверждено достаточной совокупностью доказательств, где меняется интенсивность государственного принуждения и степень уязвимости индивида – уголовно преследуемого лица.

1. Этап выявления установления заподозренного лица, совершившего преступление, и формирование обоснованного предположения (допроцессуальная, проверочная и оперативно-розыскная деятельность). На этом начальном этапе, предшествующем формальному наделению статусом подозреваемого, действует первый вид гарантий – гарантии-условия законного и обоснованного вовлечения. Однако именно здесь наиболее остро проявляется системный дефект нормативного элемента. Лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) или проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, пребывает в «слепой» правовой зоне, будучи лишенным законодательно закрепленного статуса – «бесстатусное лицо». Отсутствие базовых правовых гарантий (право знать суть имеющихся подозрений, право на адвоката) создает предпосылки для произвола. Деятельностный элемент, зависящий исключительно от внутренней культуры, правового сознания и добросовестности сотрудников оперативно-розыскных органов и органов предварительного расследования, становится единственным, но крайне ненадежным барьером. Адвокатский элемент, как правило, не активирован, лишая лицо профессиональной поддержки в момент формирования основы будущего обвинения. Таким образом, на этапе выявления триединая модель функционирует в усеченном виде, что предопределяет высокие риски нарушений.

2. Этап установления причастности и наделения статусом подозреваемого (формальное вовлечение в уголовный процесс). Момент задержания, уведомления о подозрении или возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица является моментом активации второго вида гарантий – гарантий прав лица с формальным процессуальным статусом. Нормативный элемент должен обеспечить четкий, безусловный и немедленный порядок реализации прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Однако, как демонстрирует практика, императивные нормы (право на защитника с момента задержания) сталкиваются с дисфункцией деятельностного элемента: пассивность, формализм или прямое противодействие должностных лиц (фактическое воспрепятствование встречам с адвокатом, создание искусственных препятствий). Ключевую компенсаторную и активирующую роль призван играть адвокатский элемент. Адвокат-защитник выступает в качестве «переводчика» и «реализатора» процессуальных норм в пользу подзащитного. Его оперативность, настойчивость и компетентность предопределяют, сможет ли нормативный каркас гарантий материализоваться или останется декларацией. Эффективность модели на этом этапе зависит от качества синхронизации деятельностного и адвокатского элементов.

3. Этап обличения обвиняемого и судебного поддержания обвинения (предварительное расследование и судебное разбирательство). После предъявления обвинения система

гарантий подвергается максимальной нагрузке, смещая фокус с защиты от произвольного вовлечения на обеспечение справедливого, полного и состязательного исследования доказательств. Нормативный элемент должен предоставлять стороне защиты адекватный инструментарий для оспаривания обвинения (право на заявление ходатайств, допрос свидетелей, назначение экспертиз, обязательность удовлетворения ходатайств при соблюдении условий, как в ч. 4 ст. 271 УПК РФ).

Автором предлагается трёхуровневая классификация гарантий.

Первый вид – гарантии-условия (гарантии законного и обоснованного вовлечения лица в уголовное преследование). Сюда относится определение в законе об ОРД и УПК РФ правовых статусов лиц (прежде всего «бесстатусных» лиц), а также закрепление чётких условий, оснований и порядка вовлечения лица в оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность.

Второй вид – гарантии прав личности, уже подвергаемой уголовно-процессуальному преследованию (подозреваемого или обвиняемого). Их содержание раскрывается через триединство: статусные (материально-правовые) гарантии – наличие полноценного правового статуса (ст. 46, 47 УПК РФ); процедурно-формальные гарантии – наличие установленных законом условий, оснований и порядка дальнейшего преследования; инструментальные (процессуально-реализационные) гарантии – наличие эффективных средств реализации прав, включая судебный контроль и механизмы обжалования.

Третий вид (специальный) – гарантии соразмерности ограничения прав и надлежащего качества закона. Данный вид носит сквозной характер и включает: обеспечение формальной определённости и предсказуемости закона; реализацию принципа пропорциональности при применении мер принуждения; иерархическую систему судебного контроля.

Выводы

Гарантии прав уголовно преследуемого лица не могут быть сведены к статичной совокупности законодательных норм. Они представляют собой сложную динамическую институционально-деятельностную систему, эффективность которой детерминирована синхронным функционированием трёх несущих элементов: а) иерархически выстроенных и непротиворечивых правовых норм; б) добросовестной правоприменительной деятельности должностных лиц; в) активной и квалифицированной профессиональной деятельности адвоката-защитника. Дисфункция любого из этих звеньев приводит к релятивизации конституционных предписаний.

Установлено, что наиболее уязвимым этапом является допроцессуальная и оперативно-розыскная деятельность, формирующая «слепую зону», в которой лицо, фактически подвергаемое государственному принуждению, лишено формализованного правового статуса и корреспондирующих гарантий. Необходимо законодательное закрепление статуса «заподозренного лица» на этапе проведения гласных ОРМ и проверочных действий.

В целях устранения терминологической полисемии предложена трёхуровневая классификация гарантий: гарантии-условия (законного и обоснованного вовлечения); статусно-инструментальные гарантии (для лиц с формальным процессуальным статусом); специальные гарантии соразмерности и качества закона (сквозной вид).

Обоснована целесообразность законодательного закрепления категории «надлежащее качество закона, ограничивающего права и свободы» в качестве гарантийного стандарта, включающего формально-юридическое совершенство норм и наличие в нормативном акте адекватных процессуальных гарантий.

Реальность конституционных гарантий прав личности находится в прямой зависимости от преодоления правового нигилизма и обвинительного уклона, а также от ликвидации «бесстатусных» зон. Дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути формирования единого, сквозного гарантийного пространства, в котором приоритет прав личности выступает реальным ограничителем публично-правового усмотрения.

Список источников

1. Чупилкин, Ю. Б. Уголовно преследуемое лицо: понятие, виды, правовой статус / Ю. Б. Чупилкин // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № 4. – С. 112-127. - EDN: WCITLW.
2. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – Москва: Юристъ, 2009. – 174, [1] с. - (Res cottidiana). - ISBN 978-5-7975-0964-6. - EDN: QQWRXF.
3. Цветков, Ю. А. Права человека вышли из моды. Как это отразится на уголовном процессе? / Ю. А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 3. – С. 8-16. - <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2023-3-8-16>.
4. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий; под общ. ред. А. В. Смирновой. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. - Печатается по третьему изданию, СПб., 1910. - ISBN 5-87062-032-5. - Т. 1. – 552 с.
5. Строгович, М. С. Избранные труды: в 3 т. / М. С. Строгович; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права ; редкол.: В. М. Савицкий (пред.) и др. – Москва: Наука, 1990-. - ISBN 5-02-013216-0. - Т. 2: Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве / отв. ред. В. М. Савицкий. – 1992. – 277, [1] с.
6. Ларин, А. М. Презумпция невиновности / А. М. Ларин; АН СССР. – Москва: Наука, 1982. – 152 с. - (Конституция СССР. Личность и право).
7. Ростовщиков, И. В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел: учеб. пособие для вузов МВД России / И. В. Ростовщиков; Волгогр. юрид. ин-т. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1996. – 97, [2] с.
8. Ляхов, Ю. А. Расширение частных начал в уголовном судопроизводстве России как фактор его гуманизации / Ю. А. Ляхов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 46-51. - EDN: RSUGOJ.
9. Карташов, В. Н. Юридический статус личности: понятие, логическая структура, виды / В. Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2014. – № 13 (13). – С. 3-19. - EDN: YLFOPP.
10. Авакьян, С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование / С. А. Авакьян // Социальные интересы. – 2001. – № 4. – С. 44-47.
11. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. – Москва: Юрлитинформ, 2000. – 228, [2] с. - (Библиотека криминалиста). - ISBN 5-93295-015-3. - EDN: RHTJJK.
12. Гладышева, О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Гладышева Ольга Владимировна ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2013. – 478 с.
13. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 251 с.
14. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / [В. Б. Алексеев, Л. Б. Алексеева, В. П. Божьев и др.]; под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца; ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка. – Москва: Юрид. лит., 1989. – 638, [1] с. - ISBN 5-7260-0097-8.
15. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р. Д. Рахунов; Всесоюз. ин-т юрид. наук. – Москва: Госюриздат, 1961. – 277 с.
16. Куцова, Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э. Ф. Куцова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 114 с.
17. Юрченко, В. Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве / В. Е. Юрченко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 139 с.
18. Стремовский, В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В. А. Стремовский; отв. ред. В. Е. Чугунов; Рост. н/Д ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 260 с.
19. Самощенко, И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И. С. Самощенко ; Всесоюз. ин-т юрид. наук. – Москва: Юрид. лит., 1963. – 286 с.
20. Добровольская, Т. Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве / Т. Н. Добровольская // Советское государство и право. – 1980. – № 2. – С. 128-135. - ISSN 0132-0769.
21. Семенцов, В. А. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения: монография / В. А. Семенцов, О. В. Гладышева, Х. М. Лукожев; под общ.

и науч. ред. В. А. Семенцова. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 192 с. - (Уголовный процесс). - ISBN 978-5-4396-0306-0. - EDN: TRXVDB.

22. Володина, Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе / Л. М. Володина; М-во общ. и проф. образования РФ, Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 171 с. - ISBN 5-88081-157-3.

23. Деришев, Ю. В. Теоретические основы уголовно-процессуальных гарантий: монография / Ю. В. Деришев, Ю. Г. Овчинников. – Омск: ОмЮИ, 2012. – 180 с. - ISBN 978-5-9903967-1-2. - EDN: VPBNHV.

24. Чупилкин, Ю. Б. Пороки российского правосудия XXI века / Ю. Б. Чупилкин // История государства и права. – 2015. – № 4. – С. 32-35. - EDN: TWXPZD.

25. Советский уголовный процесс: учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / [Н. С. Алексеев, А. И. Бастрыкин, В. Г. Даев и др.] ; под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича; Ленингр. гос. ун-т. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. – 469, [1] с. - ISBN 5-288-00452-4.

26. Уголовный процесс: учебник / [В. К. Бобров и др.]; под ред. В. П. Божьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Высшее образование, 2008. – 524 с. - ISBN 978-5-9692-0187-3.

27. Каминская, В. И. В чем значение процессуальных гарантий в уголовном процессе / В. И. Каминская // Советское государство и право. – 1950. – № 5. – С. 48-56. - ISSN 0132-0769.

28. Кротова, Л. А. Процессуальные гарантии достижения задач уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кротова Л. А.; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1982. – 204 с.

29. Капинус, Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография / Н. И. Капинус. – Москва: Буквоед, 2007. – 409, [1] с. - ISBN 978-5-903396-07-3. - EDN: QSAWQH.

30. Гончаренко, В. Д. Право человека на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания: теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. Д. Гончаренко; Волгогр. юрид. ин-т. – Волгоград, 1999. – 201 с.

31. Бойков, А. Д. Законность и целесообразность в уголовном судопроизводстве / А. Д. Бойков // Законность в Российской Федерации / [редкол.: В. Н. Кудрявцев (отв. ред.) и др.]. – Москва: Спарк, 1998. – С. 188-201. - ISBN 5-88906-122-6.

32. Кокорев, Л. Д. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Л. Д. Кокорев, В. З. Лукашевич // Вестник Ленинградского университета. Серия 6, История КПСС, философия, право. – 1977. – № 11. – С. 109-116.

33. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин; АН СССР, Ин-т государства и права. – Москва: Наука, 1989. – 256 с. - ISBN 5-02-012893-7.

34. Мельников, В. Ю. Гарантии прав личности в уголовном процессе / В. Ю. Мельников // Российский судья. – 2008. – № 3. – С. 36-39. - ISSN 1812-9267. - EDN: JWPNRB.

References

1. Chupilkin YuB. Criminally prosecuted person: concept, types, legal status. *North Caucasus Legal Bulletin*. 2025;(4):112-127. (In Russ.) - EDN: WCITLW.

2. Orlov Yu.K. *Problems of the theory of evidence in criminal procedure*. Moscow: Yurist; 2009. 174, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-7975-0964-6. EDN: QQWRXF.

3. Tsvetkov Yu.A. Human rights have gone out of fashion. How will this affect criminal procedure? *Criminal Procedure*. 2023;(3):8–16. (In Russ.). DOI: 10.18572/2072-4411-2023-3-8-16.

4. Foinitsky I.Ya. *Course of criminal procedure: in 2 vols. Vol. 1*. 3rd ed. Smirnov A.V., editor. St. Petersburg: Alpha; 1996. 552 p. (In Russ.). ISBN 5-87062-032-5.

5. Strogovich M.S. *Selected works: in 3 vols. Vol. 2: Guarantees of individual rights in criminal proceedings*. Savitsky V.M., editor. Moscow: Nauka; 1992. 277, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-02-013216-0.

6. Larin A.M. *Presumption of innocence*. Moscow: Nauka; 1982. 152 p. (In Russ.).

7. Rostovshchikov I.V. Realization of individual rights and the activities of internal affairs bodies: a study guide for universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volgograd: Volgograd Law Institute; 1996. 97, [2] p. (In Russ.).

8. Lyakhov Yu.A. Expansion of private elements in criminal proceedings in Russia as a factor of its humanization. *North Caucasus Legal Bulletin*. 2013;(3):46–51. (In Russ.). EDN: RSUGOJ.

9. Kartashov V.N. Legal status of the individual: concept, logical structure, types. *Actual problems of the theory and history of the legal system of society*. 2014;13(13):3–19. (In Russ.). EDN: YLFOPP.
10. Avakyan S.A. Globalization, common constitutional values, and national regulation. *National Interests: Priorities and Security*. 2001;(4):44–47. (In Russ.).
11. Shadrin V.S. *Ensuring individual rights in the investigation of crimes*. Moscow: Yurlitinform; 2000. 228, [2] p. (In Russ.). ISBN 5-93295-015-3. EDN: RHTJJK.
12. Gladysheva O.V. Theoretical model of mechanisms for ensuring the rights and legitimate interests of a person and a citizen in criminal proceedings [dissertation]. Moscow; 2013. 478 p. (In Russ.).
13. Alekseev N.S., Dayev V.G., Kokorev L.D. *An essay on the development of the science of Soviet criminal procedure*. Voronezh: Voronezh University Publishing House; 1980. 251 p. (In Russ.).
14. Alekseev V.B., Alekseeva L.B., Bozhiev V.P., et al. *The course of the Soviet criminal process. General Part*. Boykov A.D., Karpets I.I., editors. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1989. 638, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-7260-0097-8.
15. Rakhunov R.D. Participants in criminal procedural activities under Soviet law. Moscow: Gosyurizdat; 1961. 277 p. (In Russ.).
16. Kutsova E.F. *Guarantees of individual rights in the Soviet criminal process*. Moscow: Moscow University Publishing House; 1972. 114 p. (In Russ.).
17. Yurchenko V.E. *Guarantees of the victim's rights in court proceedings*. Tomsk: Tomsk University Press; 1977. 139 p. (In Russ.).
18. Stremovsky V.A. *Participants in the preliminary investigation in Soviet criminal proceedings*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1966. 260 p. (In Russ.).
19. Samoshchenko I.S. *The concept of an offense under Soviet legislation*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1963. 286 p. (In Russ.).
20. Dobrovolskaya T.N. Guarantees of citizens' rights in criminal proceedings. *Soviet State and Law*. 1980;(2):128–135. (In Russ.).
21. Sementsov V.A., Gladysheva O.V., Lukozhev Kh.M. *Guarantees of the rights of participants in criminal proceedings: problems and possible ways to solve them*. Sementsov V.A., editor. Moscow: Yurlitinform; 2013. 192 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4396-0306-0. EDN: TRXVDB.
22. Volodina L.M. *The mechanism for protecting individual rights in criminal proceedings*. Tyumen: Tyumen State University Publishing House; 1999. 171 p. (In Russ.). ISBN 5-88081-157-3.
23. Derishev Yu.V., Ovchinnikov Yu.G. *Theoretical foundations of criminal procedure guarantees: a monograph*. Omsk: OmYuI; 2012. 180 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9903967-1-2. EDN: VPBHVB.
24. Chupilkin Yu.B. Flaws of Russian justice in the 21st century. *History of State and Law*. 2015;(4): 32–35. (In Russ.). EDN: TWXPZ.
25. Alekseev N.S., Bastrykin A.I., Daev V.G., et al. *Soviet criminal procedure: textbook for universities for specialties "Jurisprudence"*. Alekseev N.S., Lukashevich V.Z., editors. Leningrad: LSU Publishing House; 1989. 469, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-288-00452-4.
26. Bobrov V.K., et al. *Criminal procedure: textbook*. Bozhyev V.P., editor. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Higher Education; 2008. 524 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9692-0187-3.
27. Kaminskaya V.I. What is the significance of procedural guarantees in criminal proceedings. *Soviet State and Law*. 1950;(5):48–56. (In Russ.).
28. Krotova L.A. Procedural guarantees for achieving the objectives of criminal proceedings [dissertation]. Kazan; 1982. 204 p. (In Russ.).
29. Kapinus N.I. Procedural guarantees of individual rights in the application of preventive measures in criminal proceedings: a monograph. Moscow: Bukvoed; 2007. 409, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-903396-07-3. EDN: QSAWQH.
30. Goncharenko V.D. The human right to freedom from torture and other cruel, inhuman, or degrading treatment or punishment: theoretical and legal aspects [dissertation]. Volgograd; 1999. 201 p. (In Russ.).
31. Boikov A.D. Legality and expediency in criminal proceedings. In: *Legality in the Russian Federation*. Moscow: Spark; 1998. p. 188–201. (In Russ.). ISBN 5-88906-122-6.
32. Kokorev L.D., Lukashevich V.Z. Procedural guarantees of the rights and legitimate interests of the individual in criminal proceedings. *Bulletin of Leningrad University*. 1977;(11):109–116. (In Russ.).

33. Petrukhin I.L. *Personal inviolability and coercion in criminal proceedings*. Moscow: Nauka; 1989. 256 p. (In Russ.). ISBN 5-02-012893-7

34. Melnikov V.Yu. Guarantees of individual rights in criminal proceedings. *Rossiyskiy Sudya*. 2008;(3):36–39. (In Russ.). EDN: JWPNRB.

Информация об авторе

Ю. Б. Чупилкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

Yu. B. Chupilkin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 25.07.2026; одобрена после рецензирования 01.09.2026; принята к публикации 03.09.2026.

The article was submitted 25.07.2026; approved after reviewing 01.09.2026; accepted for publication 03.09.2026.